УДК 343

*С.В. Петров***ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО И ИНЫЕ ДЕФИНИЦИИ
В АКТАХ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

В статье рассматриваются проблемы применения отдельных положений уголовного законодательства, обусловленные применением оценочных терминов и определений. Анализируется ряд актов судебного толкования, раскрывающих содержание терминологии, характеризующейся отсутствием достаточного объема формализованных признаков, что влечет возможность субъективного подхода при уяснении их смыслового содержания. В частности, рассматриваются постановления Пленумов Верховного Суда России, обобщающие следственно-судебную практику по некоторым категориям криминальных посягательств. Определяются пробелы и дефекты как норм уголовного закона, так и положений актов судебного толкования, обуславливающих отсутствие эффективной правоприменительной практики и, как следствие, ненадлежащий уровень уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений. Обращается внимание на высокий уровень коллизионности действующего правового инструментария, наличие значительного количества фактов несогласованности и противоречий отдельных положений различных отраслей права между собой по содержанию применяемой терминологии. На основе критического изучения нормативно-правовой базы и судебной практики предлагаются возможные пути решения выявленных проблем. В частности, формулируются рекомендации, реализация которых обеспечит возможность единого подхода к уяснению наиболее проблемных дефиниций, применяемых в уголовном законодательстве, что сведет к минимуму возможности их субъективного толкования и позволит добиться должного уровня технико-юридического конструирования действующего нормативного инструментария.

Ключевые слова: уголовный закон, дефиниции, термины, определения, толкование, юридическая техника.

В настоящее время особую актуальность среди правоведов приобретает проблема применения дефиниций как в нормативно-правовых актах, так и в актах судебного толкования. Такое положение обусловлено несколькими обстоятельствами.

Во-первых, в соответствии с ч. 4 ст. 19 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» Верховный Суд Российской Федерации в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики [1]. Следовательно, понимание смысла применяемых в судебных актах дефиниций самым непосредственным образом влияет на правильное применение комментируемых норм права.

Во-вторых, для правоприменителей и теоретиков очевидно наличие значительного количества законодательных коллизий, выраженных в противоречиях нормативно-правовых актов. Причем несогласованность наблюдается как в горизонтальной классификации (например, между федеральными законами, регулирующими общественные отношения в различных отраслях знаний), так и в вертикальной иерархии (между законами и подзаконными актами). Нередко причина подобных алогичных ситуаций кроется в отсутствии легального толкования применяемых дефиниций.

В-третьих, многие юридически значимые термины, применяемые при формулировании нормативных установлений, являются оценочными. Отсутствие официального толкования, раскрывающего их содержание, открывает широкие возможности для субъективного подхода правоприменителей при уяснении воли законодателя. Данное обстоятельство недопустимо, так как в цивилистике оно неизбежно создает противоречия и спорные ситуации, а в криминалистических отраслях ведет к ошибкам в квалификации соответствующих уголовно-наказуемых деяний.

Особую значимость правильное и грамотное использование дефиниций приобретает в случае их применения в актах судебного толкования. Ввиду того, что главной целью указанных актов является обеспечение единообразного применения действующего законодательства, использование терминов и определений, характеризующихся отсутствием достаточного для их уяснения объема формализованных признаков, без легального толкования или ссылок на него, может свести к минимуму эффективность всей работы по обобщению судебной практики.

Иллюстрацией изложенных положений могут служить дефиниции, интерпретируемые в действующих актах Пленума Верховного Суда России по обобщению судебной практики по некоторым составам преступлений.

Так, в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» дается определение предпринимательской деятельности со ссылкой на гражданское законодательство [2]. Сравнение данного термина с нормативным определением, закрепленным в ч. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ, свидетельствует об их несоответствии. Во-первых, в постановлении нет утверждения о том, что предпринимательство – это именно деятельность, а не единичные акты поведения человека. Во-вторых, законодатель включает в предпринимательскую деятельность лишь пользование имуществом, продажу товаров и выполнение работ или услуг, но иные действия в рамках института собственности игнорирует (например, владение имуществом, договор мены или иные формы распоряжения имуществом).

По смыслу судебного толкования (п. 10 Постановления Пленума) субъектом состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, может быть как лицо, имеющее статус индивидуального предпринимателя, так и лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Но нигде не сказано о том, что субъект преступления – это физическое вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста уголовной ответственности.

Согласно п. 12 Постановления, под доходом в ст. 171 УК РФ следует понимать выручку от реализации товаров (работ, услуг) за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности без вычета произведенных лицом расходов, связанных с осуществлением незаконной предпринимательской деятельности. Доход – это экономическая категория, а не уголовно-правовая. В связи с этим для правильного определения смысла указанного термина необходимо обратиться к соответствующей отрасли знаний.

В экономике под доходом в самом общем виде понимается поток денежных и иных поступлений в форме заработной платы, прибыли, процентов или ренты [3. С. 671]. Из названных четырех форм дохода наибольшее значение в незаконном предпринимательстве имеет прибыль, под которой в экономике понимается величина, определяемая как разница между общей выручкой и общими издержками.

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать следующие выводы:

1) понятия «доход» и «прибыль» в рамках ст. 171 «Незаконное предпринимательство» тождественны, поэтому под доходом следует понимать разницу между общей выручкой и общими издержками. Следовательно, п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» нуждается в редакции;

2) использование термина «прибыль» более уместно и правильно в рамках ст. 171 УК РФ, что свидетельствует о целесообразности замены понятия «доход», используемого законодателем в диспозиции указанной нормы;

3) необходимо учитывать тот факт, что под доходом также может пониматься заработная плата, прибыль, проценты или рента, а для признания их крупными или особо крупными нужны совершенно другие примечания к соответствующим статьям УК РФ.

В соответствии с п. 16 названного выше Постановления «действия лица, признанного виновным в занятии незаконной предпринимательской деятельностью и не уплачивающего налоги и (или) сборы с доходов, полученных в результате такой деятельности, полностью охватываются составом преступления, предусмотренного статьей 171 УК РФ». Исходя из сущности данного установления, можно предположить, что государство не исключает возможности взимания налогов и (или) сборов с лиц, совершающих или совершивших преступление. Соответствующее положение является нелогичным: формально оно не исключает возможности государства взимать налоги с незаконных торговцев оружия или наркотиков. Следовательно, указанный пункт Постановления нуждается в доработке для исключения возможности двоякого толкования его положений.

Проблема обеспечения единообразного толкования дефиниций в судебных актах при отсутствии их комментариев, даваемых уполномоченными органами, на наш взгляд, может быть решена следующим образом. В случае применения дефиниции, не имеющей легального толкования, в отношении нее целесообразно применять толкование, даваемое органами исполнительной власти.

Также в анализируемом акте судебного толкования применяется термин «сделка», наделяющийся содержанием, отличным от того, которое принято в цивилистике, в частности, в Гражданском кодексе РФ. Сам по себе факт изменения Верховным Судом РФ смыслового содержания термина, определяемого

го отраслевым кодифицированным законодательством, является исключительным и недопустимым. Под «сделками» в гражданском праве понимаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [4. С. 59]. Сфера сделок в гражданском законодательстве освещена на должном уровне и данные там определения не нуждаются в доработке применительно к их использованию в уголовном законодательстве.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы» применяются термины «половая свобода» и «половая неприкосновенность», но суть их в Постановлении не раскрывается [5]. При привлечении к уголовной ответственности виновных за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности, не имея легального толкования указанных понятий, зафиксированного в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, правоприменители фактически лишены выбора, кроме как на основе субъективного подхода, возможно, с учетом доктринальных точек зрения, определять основной объект соответствующих противоправных посягательств. Тот факт, что половая свобода и половая неприкосновенность выделяются законодателем в качестве самостоятельных объектов, определяет различный объем степени общественной опасности деяния при посягательстве на них, а следовательно, определяет необходимость дифференциации ответственности. Однако в условиях отсутствия легального толкования рассматриваемых терминов фактически используется различная практика применения норм уголовного закона, обеспечивающих охрану половой свободы и неприкосновенности. Изложенные обстоятельства свидетельствуют о целесообразности доработки Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы» в части определения содержательного наполнения смысла понятий «половая свобода» и «половая неприкосновенность».

Наличием серьезных дефектов, выраженных в ненадлежащем качестве толкования юридически значимой терминологии, характеризуется и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [6]. В частности, п. 18 указанного Постановления определяет, что в случае совершения кражи, сопряженной с незаконным проникновением в жилище, правоприменителю при установлении факта проникновения именно в жилище нужно руководствоваться определением, изложенным в примечании к ст. 139 УК РФ. Сравнительно-правовое исследование примечания, изложенного в рамках указанной нормы уголовного закона, и положений Жилищного кодекса РФ свидетельствуют о том, что понятия жилища, установленные в Уголовном и Жилищном кодексах, не совпадают. Рассогласованность выражена в следующем: 1) в Жилищном кодексе полностью определены все виды жилых помещений (жилой дом или часть жилого дома; квартира или часть квартиры; комната), а в примечании к ст. 139 УК РФ говорится только об индивидуальном жилом доме с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями; 2) в Жилищном кодексе речь идет об изолированных помещениях, а в УК РФ такой признак не указывается; 3) Жилищный кодекс относит к жилым помещениям только имущество, официально отнесенное к недвижимому, а в УК РФ об этом не говорится; 4) к понятию «жилище» УК РФ относит как жилые, так и нежилые помещения или строения, а Жилищный кодекс РФ – только жилые помещения. Учитывая степень рассогласованности в вышеприведенных подходах к определению жилища, обеспечить единый подход к его пониманию, ограничиваясь лишь редакцией актов судебного толкования, представляется маловероятным, что свидетельствует о необходимости содержательной переработки соответствующих положений законодательства.

Критические замечания, обусловленные ненадлежащим качеством содержательного наполнения, вызывает и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2008 г. № 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)». Так, в п. 2 указанного Постановления дается определение преступного сообщества (преступной организации), в соответствии с которым под указанной формой соучастия понимается структурно оформленная преступная группа, созданная для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединение организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп, созданное в тех же целях. Сравнительное изучение соответствующих положений Уголовного кодекса РФ и данного определения позволяет сделать вывод о несоответствии признаков преступного сообщества, содержащихся в Постановлении Пленума и ст. 35 УК РФ, содержащей нормативные определения различных форм соучастия. Наряду с вышеприведенным об-

стоятельством, изложенные в Постановлении определения порождают новые оценочные понятия, при толковании которых создаётся ситуация невозможности доказывания соответствующей категории уголовных дел. Например, в судебном варианте понятия преступного сообщества (преступной организации) указывается на одно или несколько тяжких или особо тяжких преступлений, в то время как в ч. 4 ст. 35 УК РФ говорится о двух или более тяжких или особо тяжких преступлениях.

Преступная организация, согласно акту судебного толкования, должна быть структурно оформленной. Данный признак является новым в понятии преступного сообщества, его в уголовном законе нет, и он характеризуется оценочным содержанием, что применительно к уголовному законодательству нецелесообразно.

В п. 3 рассматриваемого акта судебного толкования перечисляются признаки преступного сообщества (преступной организации): наличие у организаторов и участников этого сообщества единого умысла на совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также осознания ими общих целей функционирования такого преступного сообщества и своей принадлежности к нему; наличие организационно-управленческих структур, общей материально-финансовой базы, образованной, в том числе из взносов от преступной и иной деятельности, иерархии, дисциплины, установленных правил взаимоотношения и поведения участников преступного сообщества. Указанные признаки, действительно, почти всегда имеют место, но, к сожалению, они сами по себе имеют оценочный характер и без их толкования применять их проблематично.

Эффективная нормативно-правовая база, способствующая положительным изменениям количественных и качественных характеристик, отражающих развитие общественных отношений, должна быть обеспечена качественными актами судебного толкования. В немалой степени качество указанных актов определяется наличием грамотных и содержательных толкований различных терминов и определений, призванных обеспечить правильное и единообразное применение нормативно-правовых актов. Данное обстоятельство требует более пристального внимания научной общественности, занимающейся проблемами юриспруденции, к дефинициям в актах судебного толкования, их анализу и выработке на его основе рекомендаций по совершенствованию законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2001 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. №1.
3. Носова. С. С. Экономическая теория: учебник. 2-е изд. М.: КНОРУС, 2008.
4. Гражданский кодекс РФ. Части первая, вторая, третья и четвертая. М.: Проспект, 2008.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

Поступила в редакцию 22.06.16

S.V. Petrov

CRIMINAL COMMUNITY AND OTHER DEFINITIONS IN THE ACTS OF JUDICIAL INTERPRETATION: PROBLEMS OF INTERPRETATION

The problems of applying certain provisions of criminal legislation resulting from the application of evaluation terms and definitions are discussed. Some acts of judicial interpretation revealing the content of terminology, which is characterized by a lack of sufficient formal features, are studied in detail. This implies the possibility of subjective approach to the understanding of their semantic content. In particular, the decisions of the Plenum of the Russian Supreme Court summarizing the investigative and judicial practice in certain categories of criminal attacks are considered. The vulnerabilities and defects of the criminal law norms and the provisions of judicial interpretation, the consequence of which is the lack of effective law enforcement practices and, as a consequence, inadequate criminal-law protection of appropriate social relations are identified. Attention is drawn to the high level of collisions in modern legal instruments, the existence of a large number of facts of disagreement and contradictions between certain provisions of various branches of

law regarding the semantic content of terminology used. On the basis of a critical study of regulatory framework and judicial practice, possible solutions to the identified problems are suggested. In particular, recommendations are formulated the implementation of which will ensure a unified approach to clarifying the most problematic of definitions, which are formulated through a normative setting and will minimize the possibility of their subjective interpretation, which will allow one to achieve the necessary level of technical and legal design of the current legislation.

Keywords: criminal law, definitions, terms, definitions, interpretation, legal technique.

Петров Сергей Валентинович,
кандидат юридических наук, доцент
Нижегородская академия МВД Российской Федерации
603950, Россия, г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе 3
E-mail: murin_stanislav@mail.ru

Petrov S.V.,
Candidate of Law, Associate Professor
Nizhny Novgorod academy
of the Ministry of internal affairs of Russia
3, Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod,
603950, Russia
E-mail: murin_stanislav@mail.ru